

ЧЕЛОВЕК-ТЕАТР

К 70-летию со дня рождения
Ираклия АНДРОНИКОВА

Можно сказать еще, что ему дьявольски повезло. В тот момент, когда он понял себя, отстоял свой жанр и уже собирал на свои устные рассказы в творческих клубах и концертных залах довольно обширную аудиторию, будто специально для него человечество изобрело такую штуку, как телевидение.

Большой удачей было уже и то, что Андроникова открыло радио. И все же Андроников был создан для телевидения, а этот аппарат был изобретен для него, как каравелла «Санта-Мария» — для Колумба.

Дело в том, что, как я замечал, лучше всего слушать Андроникова дома или в гостях, в кругу двух, трех, пяти человек: ему не нужна большая аудитория, чтобы воспламениться и пойти рассказывать и показывать самоуверенно, — достаточно, чтобы перед ним был хоть один свежий слушатель.

С юности я восхищался Андрониковым на сцене и никогда не забуду, как слушал его, забравшись на балкончик за железными прутьями (50 копеек место), под самый верх пупырчатого, как новая калоша, потолка Зала имени Чайковского. После смерти моего старшего товарища по университету Марка Щеглова я прочел в его дневнике студенческих лет запись от 11 января 1948 года:

«Ираклий Андроников... Рассказы лермонтовского цикла увлекательнее иного приключенческого романа. Свою будущую деятельность в литературоведении я мыслю только так: это интереснее всего на свете. Первый раз на эстраде». Зал колыбался от хохота. С моими соседками чуть не сделалось плохо. Вспотели и назавались бессильно друг на друга и вдвоем — на меня».

Как точно совпадает эта запись с моими впечатлениями от вечеров Андроникова той поры! Но все же всю силу его импровизационного заразительного дара я понял лишь, когда увидел его вблизи. Стоит появиться Андроникову в любой редакции, на студии или в издательстве —

и, к смущению администрации, немедленно парализуется вся текущая работа. Не однажды наблюдал я такую картину: сгрудившись в коридоре или в одной из комнат, сотрудники жадно глядят в рот Андроникову, который неутомимо — час, два, три часа кряду — рассказывает знакомым, полужаным и вовсе не знакомым людям о Пушкине, Лермонтове, Одоевском, бабушке Лермонтова, тетке Сушковой, бабушке тетки Сушковой... О Маршаке, Алексее Толстом, Соллентинском, Качалове... Ты чувствуешь себя окруженным густою толпою лиц, и голос каждого слышишь и будто общаешься с ним, и притом не с галерки, а вблизи, глаза в глаза.

Помню, как Маршак сказал об Андроникове, увидав его в одну из таких вдохновенных минут: «Это какой-то громокипящий кубок». Дар общения Андроникова и его способность громко восхищаться создают впечатление, что он рассказывает лишь для тебя и впервые. Да и в самом деле, если ты даже слышал прежде тот или иной его рассказ — он всякий раз звучит по-другому, в него вносятся иные краски, мысль и воображение причудливо ветвятся, находят новые, точнейшие слова и жесты, и это творчество у тебя на глазах доставляет слушателю почти физическое удовольствие.

Вот почему я и говорю, что телевидение было для Андроникова находкой. С экрана, загорающегося теплым пятном в комнате, он разговаривает свободно, доверительно и увлеченно с двумя-тремя своими слушателями, будто не замечая, что смотрят и слушают его миллионы.

Среди его устных рассказов я особенно люблю один — «Земляк Лермонтова». Там сторож лермонтовской часовни в Тарханах рассказывает, как убивалась по смерти внука бабушка, велевшая перевезти в родную землю его прах с Кавказа. И неожиданно ярко начинаешь чувствовать в этом отражении через столетие, в полуграматном и живописном рассказе преданного памяти Лермонтова старика — трагизм судьбы поэта. Рассказывает Андроников, и видишь самого старика сторожа, который судит обо всем по-своему и даже бабушку укоряет в самовластности; видишь горе бабушки, потерявшей гениального внука, и самого поэта видишь. Искусство Андроникова связывает имена и лица, прокладывает мосты сквозь десятилетия, сближает далеких по понятиям, образованности, кругу знаний людей, и в этом его особый дар.

Историко-литературной науке Андроников сделал лучшую честь, привлекая к ней сердца многих. Искусству устного рассказа сообщил существенное содержание, сделав предметом его образы людей искусства, поэзию научного размышления. И в русскую культуру наших дней вошел как уникальное явление человек-театр, где он сам и драматург, и режиссер, и единственный исполнитель бесчисленных ролей.

Многие ему летят!

Владимир ЛАКШИН

КОГДА узнаешь, что Ираклию Луарсабовичу Андроникову исполнилось 70 лет, испытываешь недоумение двойного рода. Одно — что человеку с таким заучным, знакомым всем голосом, подвижным лицом, молодой энергией уже семьдесят — неужели? И другое — да неужто ему только семьдесят? Когда же он успел столько сделать? Когда сумел так глубоко войти в нашу культуру, что без особого его места в ней уже не мыслится новейшая ее история?

Об Андроникове трудно говорить, потому что комментировать, как-то, объяснять, популяризировать его труды и личность излишне — этого человека знают все, да и сам он к кому хочется обратиться. Андроников без посредников обращается к аудитории своих читателей, слушателей, зрителей. Поговорим о его любимом жанре.

Устный рассказ древнее письменного. Рэпсоды, акыны, сказители, былинники — старшие писатели. В век расцвета письменной литературы искусство устного рассказа хирело, задыхалось. Украшением дружеского кружка, светского или литературного салона, случалось, становились особо одаренные импровизаторы, остроусловы и рассказчики. Но круг слушателей их был узок, искусство летуче, и память о той радости, какую они приносили с собой на вечер, на час собравшимся вместе людям, истаяла, «как дым от лица огня».

В России XIX века чудесными рассказчиками были, по преданию, Тургенев, Григорович, Писемский. Но все же это были писатели, главный мед сносившие в литературный улей. Устный рассказ был для них гимнастикой воображения и наблюдательности, пробой, этюдом и, если закреплялся на бумаге, в ту же минуту прекращал существовать как звучащее слово.

Жанр устного рассказа с точной мерой импровизации и сюжета бережливее хранили и культивировали, пожалуй, актеры, актеры старого Малого театра. Это не были монологи, сцены, какие исполнялись ими с подмостков. Устный рассказ, рассказ «из жизни» — бытовой, автобиографический или пародийный — возникал в минуту отдыха, за кулисами, на вечеринке, в гостях. Поразительным рассказчиком в московских гостиных слыл Михайло Семенович Щепкин. Проз Садовский с мрачной серьезностью, но так, что все вокруг «животики надрывали», исполнял монолог замоскворецкого купца о «Наполеондре Бонапарте» и «республике Франс». Но пуща всех прославился в этом жанре их младший товарищ Иван Федорович Горбунов, автор записанных потом сценек «Травиата», «Воздухоплаватель», «У пушки», создатель легендарного образа отставного генерала Дятлина, имевшего по всякому поводу жизни и политики свое особое мнение и высказывавшего его с величавым апломбом под дружный смех присутствовавших.

Ираклий Андроников со сво-

им жанром возник неожиданно и «беззаконно», после перерыва традиции, и как будто в самую неблагоприятную для устного рассказа пору. Широкая грамотность, «письменность» культуры, наконец, сужение сферы частного дружеского общения в пользу широких общественных соединений, казалось, не благоприятствовали его особенному и странному таланту.

Одаренности людей причудливы и многообразны. Лишь основных способностей психологи насчитывают несколько десятков. Один в уме может возводить в степень и извлекать корень из умопомрачительно огромных цифр. Другой помнит во всех подробностях каждый день и каждый час едва ли не всей прожитой им жизни. Я знаю человека, виртуоза словопереворотов, который способен без записки задом наперед читать длиннющие тексты. Все это более или менее крупные способности, иногда экзотические дары природы, но человек так и живет с ними безотчетно и бесполезно, оттого что применения им не нашлось. Для иных одаренностей есть готовое, проложенное прежде русло — специальности, профессии, занятия, жанры. Для иных это русло еще не отыскано.

Андроников с молодости обладал целым рядом «полезных» и «бесполезных» даров. Он умен, видит людей, смешно и точно «показывает» их. Обладал острой наблюдательностью и чувством юмора. У него была редкая врожденная музыкальность. Он имел глубокий, прекрасный тембра голос и живую мимику лица. Отличался редкой памятью на имена, названия, подробности, даты, цитаты, родство, свойство, чины, звания, лычки, стихи, мелодии, прозу...

Это было, разумеется, счастливое соединение способностей: люди чаще владеют тем или иным порознь, но редко в таком тесном соседстве. И все же эти способности могли развиться, иссохнуть, не найдя себе применения. Андроников сам отыскал им выход и узнал счастье осуществления себя.

Так случилось еще и потому, что он открыл для устного рассказа возможность нового содержания, обнаружил для него оригинальную и внутренне серьезную тему. Не только людей литературы, но науку о литературе — литературоведение — он сделал предметом изображения.

Тут самое время упомянуть о том, что Андроников — известный историк литературы, искус-

ствовед, музыковед, и свое художественное, артистическое начало он удивительно оплодотворил строгим научным знанием.

Значение историко-биографических работ Андроникова, посвященных по преимуществу Лермонтову, общепризнано. «Лермонтов в Грузии в 1837 году», «Лермонтов и его парт...», «Лермонтов и Н. Ф. И.», «Судьба Лермонтова», «Сокровища замка Хохберг» — эти и другие работы составили несколько книг с таким обилием новых соображений, догадок, материалов и находок, что создать их, казалось бы, под силу лишь целому «лермонтоведческому» институту. И пока Лермонтов будет интересовать людей (а будет он их интересовать долго, быть может, всегда), не будут забыты работы и его верного палачина, думавшего, писавшего о нем, отгадывавшего его тайны на протяжении полувека и открывшего в его творчестве и судьбе многое, казалось бы, навсегда сокрытое от глаз.

Интуиция — часть таланта ученого. А в союзе со строгим знанием и допытливостью разыскателя она дает возможность точно расположиться в ушедшей эпохе, угадать давно умерших людей, их думы, страсти, понять то, что было за семью печатями. Андроников внес в литературную науку достаточно новых фактов, дат, имен и трактовок, чтобы заслужить признание самого строгого академического ареопага. Но он сделал нечто и несравненно большее: свою страсть ученого-разыскателя, знание прошлого и дар его понимания он обратил в рассказ для многих. Он демократизировал, превратил в нечто манящее и привлекательное сухой предмет литературоведения. Так же как своими рассказами о музыкантах, восторгом перед гармонией звуков, он сумел увлечь своих слушателей высокой, серьезной музыкой.

Есть ядовитое словечко «популяризатор», которое с видом похвалы и тайным высокомерием обращают иной раз сухие жрецы науки к тому, кто не прячется за чащобу пустых и темных фраз и пытается сказать об искусстве теплым, живым словом, не снижая его проблем.

Андроников не «популяризатор», а первооткрыватель. Увлеченность литературой и ее творцами, страсть к познанию искусства Андроников сделал коренной своей темой, и оттого увядавший, камерный бытовой жанр домашнего устного рассказа получил у него свежую силу голоса и общественный смысл.